

УДК 81'367.625

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-1-26-39

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ СЕМАНТИКИ ПРЕДИКАТОВ: ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОТ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ УЗУСЕ (ЛЮБЛЮ ЛЮБЛЕЕ)

Е.О. Борзенко, Е.Р. Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, 23/5а, Москва, Россия, 115184

Данная статья посвящена нестандартным сравнительным формам, регулярно появляющимся в разговорных текстах русского языка последних десятилетий. Поставлена цель собрать и описать с точки зрения семантики и синтаксиса компаративы, словообразовательной базой которых выступает глагол. Актуальность описания этих необычных форм не вызывает сомнения, ведь они весьма характерны для специфического типа речи современного Интернета — спонтанной письменной речи, приближающейся по свободе пользования языком к устной, а изучение современного узуса — это одно из приоритетных направлений исследования русского языка, ставшее особенно значимым в последнее десятилетие в связи с развитием корпусной лингвистики. Материал исследования — база примеров из Интернета 2000—2016 гг., преимущественно из блогов, интернет-переписки, комментариев и форумов, т.е. текстов, совмещающих свойства письменной речи и устной. Для создания базы использован малоизвестный метод генерирования потенциально возможных форм на основе частотных списков русской лексики, применяются методы корпусного исследования. В работе выделяются характерные синтаксические и семантические особенности исследуемых сравнительных форм, дается классификация их по особенностям значения, предлагается статистическое описание типов их употреблений. Оказалось, что сравнительные формы, образованные от глаголов, могут выполнять различные функции в предложении: чаще всего они используются как обстоятельство при образующем глаголе, реже — как именная часть сказуемого, предикативы в безличном предложении, несогласованное определение. Выделены характерные для исследуемых новообразований конструкции. Показано, что семантика таких форм может соотноситься с семантикой интенсивности эмоции, описываемой глаголом, близости к идеальной реализации действия, выражения характерного признака действия, степени оценки, связываемой с действием, наконец, высокой вероятности реализации действия. По мнению авторов, количество подобных форм в текстах Интернета, а затем, возможно, и в устной речи будет возрастать, поскольку они выразительные, запоминающиеся, соответствуют принципу экономии речевых усилий и постоянно действующей в языке тенденции поиска новых средств выразительности для передачи экспрессивных, гиперболических и суперлативных значений. Использование семантики сравнения по отношению к глаголам на данный момент практически не описано даже для нормативных конструкций, таких, как «люблю больше, чем кто-либо / больше всего / больше всех» и др., а окказиональные компаративы, образованные от глаголов, рассматриваются впервые (ранее они даже не упоминались в научной литературе). Все это и обуславливает научную новизну и актуальность статьи.

Ключевые слова: нестандартные степени сравнения, компаратив, глагол, окказионализм, интернет-тексты, проблемы нормы, узуальность, семантика

Введение

В русском языке XXI века существует удивительный срез языка: язык блогов, живых журналов и комментариев из Интернета, совмещающий черты устного и письменного языка, так называемая спонтанная письменная разговорная речь. Пишущие в этом жанре, в основном представители не самых старших поколений, допускают разнообразные отклонения от стандартов кодифицированного языка, в том числе окказиональные формы. Некоторые из них становятся популярны и понемногу начинают выходить за рамки интернет-текстов. Таковы, на наш взгляд, морфологические окказионализмы, представляющие собой авторские сравнительные формы с нестандартной словообразовательной базой. Такой базой могут быть, например, относительные прилагательные (*московские*), существительные (*звезде*) [1], местоимения (*оне*) [2]. Неожиданно популярными оказались образования от глаголов. Приведенные ниже примеры, как и остальные в данной работе, найдены в «разговорных» интернет-текстах 2000–2016 гг., в основном в «живых журналах» и комментариях к блогам:

(1) Сказала ему, что скучаю — *счучее*... люблю — *любее*... придет, буду целовать — *целовее*...

(2) О, теперь жду ещё *ждее*. Если что, то я жду *ждее* всех.)

(3) — Иди готовь. — Я сплю. — А я *сплее*. Иди готовь!)

Эти формы появились сравнительно недавно: они существуют примерно с начала XXI века. Попробуем разобраться в синтаксическом статусе таких форм и в особенностях их семантики.

Итак, актуальность данного исследования заключается в том, что его предмет — специфические формы современного узуса, которые нередко появляются в интернет-языке, количество их возрастает, но в научной литературе они еще никогда не рассматривались и даже, в отличие от других нестандартных компаративных форм, почти не упоминались.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при преподавании дисциплин, связанных с инновациями в языке, и для составления словарей, описывающих современные неологизмы и различные особенности речи XXI века.

Вклад данного исследования в развитие науки о русском языке заключается в описании ранее не обсуждавшихся языковых фактов, отражающих современные тенденции развития разговорно-письменного языка, и с появившейся возможностью на новом материале уточнить частеречный и синтаксический статус русского компаратива, разобраться в его семантике. Приведенный материал позволяет добавить еще один довод в пользу трактовки русского синтетического компаратива как особого грамматического разряда, отдельного от прилагательного и наречия и объединяющего самостоятельные лексемы.

Основным источником представлений о семантике и синтаксисе компаратива для данной работы стали исследования Ю.П. Князева [3], а также О. Есперсена [4], Г. Пауля [5], А. Вежбицкой [6], в которых рассматривается возможность образования нестандартных форм степеней сравнения. Также очень важными оказались замечания о семантике адвербиального компаратива из статей Е.В. Ра-

хилиной [7; 8]. Отметим, что единого мнения по поводу статуса нормативных компаративов нет: часть исследователей считает их формами прилагательного или наречия [3; 9; 10] (по наблюдениям Е.В. Рахилиной, говоря о компаративах, почти никто не отличает адъективные компаративы от адвербиальных) [7. С. 90—91], а другие исследователи выделяют их в отдельную часть речи [11—13].

Для формирования базы нестандартных форм, помимо самостоятельного поиска, были использованы примеры, приводимые в исследованиях неологизмов и языковой игры в целом Е.Н. Ремчуковой [14], В.З. Санникова [15], Б.Ю. Нормана [16] и работах о разговорной речи Е.А. Земской [17]. Нестандартные компаративы и суперлативы характерны не только для разговорной речи и интернет-текстов, но и для творчества определенных писателей [18; 19]. Диалекты и детская речь также являются источником окказиональных компаративов [20; 21; 22].

Изучение современной русской речи с точки зрения реального узуса, нередко противоречащего официальной норме, является весьма популярным направлением современной науки. Не только окказионализмы, но даже ошибки, появляющиеся в речи носителей языка, также в последние годы стали предметом исследования: ср. описание причин появления «оговорок» в употреблении компаративов (*менее компактное* и др.) в работах Е.В. Рахилиной [7; 8]. «Грамматика ошибок» важна потому, что, как впервые это сформулировал А. Фрей почти век назад, «ошибки в речи не случайны, а соответствуют определенным тенденциям языка» [23]. Проблемам корпусного изучения современного узуса в его отношении к норме посвящены, например, работы Я.Э. Ахапкиной об *играться* и *убираться* [24], Е.Р. Добрушиной об употреблении местоимения *ихний* [25] и глаголов *крестить* и *покрестить* [26], Н.А. Зевахиной и С.А. Оскольской о конструкциях с «редуплицированными» уступительными местоимениями [27] и др. «Полуразговорные» тексты интернета стали предметом исследования в работах [28—34]. Некоторые из подобных работ посвящены конкретным языковым явлениям, например, в [35] на примере ненормативных форм компаратива от таких прилагательных, как *дерзше* и *моложее* описано расшатывание исторических чередований согласных, система которых остается в нормативном языке, но явно расшатывается в целом ряде ненормативных форм.

Цель

Цель данного исследования — выявить набор функционирующих в современной речи Интернета форм сравнительной степени, образованных от глаголов, и описать их по отношению к семантике, конструкциям, в которых они употребляются, и синтаксическим функциям, которые они выполняют, а также оценить продуктивность и определить их место по отношению к языковой норме.

Материалы и методы

Основной метод, применяемый в данном исследовании, — описательный, необходимый для того, чтобы дать характеристику конкретному явлению — определенному типу нестандартных сравнительных форм. Для этого проводились анализ, классификация и обобщение найденных примеров, а затем выделялись

характерные особенности и устанавливались закономерности функционирования изучаемых форм. Таким образом, внутри описательного метода прежде всего использовался контекстный и категориальный синхронный анализ.

Кроме того, при отборе материала исследования был использован прием сплошной выборки фактического материала.

Материалом исследования послужили тексты Интернета 2000—2017 гг. «полустного» характера — блоги, комментарии, обсуждения на различных форумах и сайтах.

Создание базы примеров потребовало нестандартных корпусно-статистических методов, в частности метода генерирования потенциально возможных форм. Дело в том, что исследуемые формы из-за их новизны и разговорного статуса невозможно найти в лингвистических корпусах, таких как Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в котором можно найти несколько отноминативных форм (*звездее*, *утрее* — благодаря тому, что в корпус включено исследование детской речи К. Чуковского, и *центрее*), а также два разных отпрономинативных *самее* — от *самый* и от *сам*), но ни одной отглагольной. Поэтому использовались «естественные корпуса», каковыми являются поисковые системы «Гугл» и «Яндекс», и следующий специфический метод работы: были взяты 200 самых частотных глаголов современного русского языка по данным корпусного словаря О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова [36], от них были самостоятельно образованы все возможные синтетические сравнительные формы, а далее была произведена проверка того, есть ли такие формы в интернет-текстах. Оказалось, что от первых шести глаголов списка компаративы не образуются, что несложно объяснить в некоторых случаях морфологией, в некоторых — семантикой, но компаратив от занимающего седьмую позицию *хотеть* весьма популярен и существует даже в двух вариантах — *хотее* и *хочее*. На 1-м месте по количеству употреблений оказалась форма *люблее* — компаратив от занимающего в словаре 28-ю позицию глагола *любить*. Всего были найдены формы для 21 глагола.

Результаты

Полученные результаты уникальны, поскольку подобные исследования сравнительных форм, образованных от глагола, в русском языке не проводились. Выводы, касающиеся функций нестандартных форм компаратива, в целом совпадают с выводами других авторов, писавших об отноминативных компаративах [18; 16; 14]: это функции экономии речевых усилий и экспрессивности. Отметим нормативный статус данных форм. Конечно, на данном этапе они являются окказионализмами, безусловно, нарушающими норму в узком понимании этого термина. Но они — воспользуемся формулировкой Я.Э. Ахапкиной об *убираться* и *играться* — «реализуют естественные потенции языковой системы» [24. С. 411]. При этом такие формы соответствуют стремлению носителей языка к увеличению выразительности интенсифицирующих единиц, «усилению усиления» и введению для этого новых средств, так как старые кажутся слишком привычными, недостаточно яркими [7. С. 91]. Поэтому можно предположить, что формы *люблее* и *хотее* в течение ближайших десятилетий войдут в разговорный регистр устной и письменной речи культурных носителей языка (ср. аналогичную

гипотезу о вхождении в язык лексемы *ихний* в относительном, непосессивном значении [25. С. 200]).

Обсуждение

1. Состав форм. Удалось найти следующие отглагольные компаративы (в скобках указано количество разных найденных употреблений данной формы): любить — люблее (31), любее (1); хотеть — хотее (19), хощее (13); ждать — ждее (4); умереть — умрее (4); сидеть — сидее (3); хватать — хватее (2); молчать — молчее (2); расти — растее (2); бежать — бежее (1); играть — игрее (1); кричать — кричее (1); купить — куплее (1); лежать — лежее (1); назвать — назвее (1); получиться — получее (1); понимать — понимее (1); скучать — скучее (1); служить — служее (1); спать — сплее (1); хватить — хватее (1); целовать — целовее (1).

Таким образом, формы сравнительной степени найдены для 21 глагола, при этом почти все глаголы входят в список 200 самых частотных, а за его рамками остаются *целовать* (позиция 637) и *хватить* (227). Часто встречаются формы глаголов *любить* и *хотеть*; *ждать*, *умереть*, *хватать*, *сидеть*, *молчать*, *расти* встречаются от двух до четырех раз, остальные 14 форм — всего по одному разу.

Отметим, что при составлении базы были исключены формы, которые с большей вероятностью могут быть отнесены к обычным опечаткам. Например, форму *скучее* (как образованную от глагола *скучать*) мы зафиксировали всего один раз в единственном достаточно очевидном примере (1). Остальные случаи могут быть как ошибками от *скучнее*, так и окказиональными формами. Поскольку первое более вероятно, мы не учитывали их при анализе. Также на данном этапе мы исключали формы типа *улыбнее*, образованные от глагольной основы, но как бы через ступень прилагательного (*улыбаться* — *улыбный* — *улыбнее*). *Улыбнее* встречается несколько раз в значении «в большей степени, чем что-то другое, вызывающий улыбку»:

(4) начало серых будней, сделать понедельник чуточку *улыбнее* =)

2. Синтаксический статус форм. Безусловно, наиболее характерна для перечисленных форм позиция *обстоятельства* (68 примеров): специфического адвербиала при образующем глаголе, чаще, но не всегда непосредственно примыкающего к нему:

в препозиции (22 случая: *люблее/любее любить* — 12; *хотее/хощее хотеть* — 6; *думее думаю*, *назовее назову*, *хватее хватит*, *умрее умер* — 4 по одному),

или постпозиции (23 случая: *любить люблее/любее* — 7; *хотеть хощее/хощее* — 8; *бегите бежее*, *жду ждее*, *играть игрее*, *кричит кричее*, *лежит лежее*, *скучаю скучее*, *умрут умрее*, *целовать целовее* — 8 по одному).

В других употреблениях компаративы при образующем глаголе оторваны от него за счет дополнения:

в препозиции, типа *люблее всех люблю* (6 случаев: *люблее/любее* N *любить* — 1, *хотее/хощее* N *хотеть* — 5),

или постпозиции, типа *люблю тебя люблее* (13 случаев: *любить* N *люблее/любее* — 8, *жду* N *ждее* — 3, *растее всех растем*, *сидее тебя сижу*).

Сочетание с местоимением *все* для исследуемых форм очень характерно: *люблее всех люблю, ждее всех жду*.

Есть один пример с частицей (*получится даже получее*).

Отмечены два примера, которые можно трактовать как своеобразный эллипсис с опущенным однокоренным глаголом при компаративе:

(5) Достаточно быть в семье младшим братом-дурачком, который всю жизнь ка-
нючит — Я сколько ни расту-расту, а старший брат еще *растее!*

(6) Служака я! Служа служу, *служее* всех служак на свете.

Найден всего один пример при неоднокоренном глаголе:

(7) Спицами рулишь обеими руками, а крючком — одной. Я *люблее* отношусь к
крючку (потому что ажуря люблю).

Все другие типы употребления более редки. Есть примеры *сказуемого* или *части*
сказуемого, подчиненной другому предикату, *в двусоставном* предложении — при-
меры (23), (25), (28), а также:

(8) Почему же внуку можно поставить свой автомобиль под окна, а соседу нельзя?
Опять моё «хочу» твоего «хочее»?

(9) дам тебе совет на будущее, может в жизни пригодится где — когда тяжело и
физически, и морально, чем *молчее* ты будешь, тем легче тебе станет...

(10) Все молчат, а вы в своем Нарьян Маре по умолчанию *молчее* всех молчих долж-
ны быть.

(11) Так и любовь в нас не стала *люблее*, а злость злее, нас ...

Наконец, есть примеры, в которых компаратив играет роль *безличного предикатива*:

(12) Выпить хочет мне помочь, только мне *хотее*, что бы он исчезнул прочь в ночь,
и поскорее!

(12) А спать всё *хотее* и *хотее!*

(13) не, это желание укоренится глубже, с каждым днём всё *хотее* и *хоте*.

(14) Чем веснее — тем *хотее*.

(15) Подмечено очень точно... где теплее, там и *люблее!*

(16) Нам сказано, что *пользовее* заваривать ЛИСТЬЯ КРАПИВЫ.

Один специфический пример из детской речи можно трактовать как *несогла-*
сованное определение — функция, характерная для наречий на *по-*, ср.: *сделай по-*
тише или *сделай более тихим*:

(17) Папа, сделай телевизор *по-молчее*, мне сказку не слышно.

Итого: обстоятельства — 68, сказуемые — 7, безличный предикат — 6, несо-
гласованное определение — 1; остальные примеры трудно трактовать из-за не-
достаточного контекста.

3. Значение форм. Самое распространенное значение исследуемого компара-
тива — «интенсивность чувства, обозначенного глаголом». Именно это значение

выражается при местоимении *все*: *Я хотее всех хочу!* Именно благодаря этому значению компаратив продуктивен для глаголов *любить*, *хотеть* и *ждать*. Ср. пример (1). Такие формы фактически синонимичны наречию в форме компаратива: «больше», «большей степени»: *любить люблее* = *любить больше* = *очень любить*. Новообразование оказывается наиболее выразительным из существующих средств. К этому значению примыкает описание действия как приближенного к эталонному:

(18) Ди, я отлично тебя понимаю... просто *понимее* всех)))

(19) При условии установки стороннего ланчера еще больше хватит. При перепрощивке и разгоне еще *хватее* хватит.

Помимо интенсивности, в некоторых контекстах появляются более интересные значения: возможно выделение какого-либо ключевого признака действия как параметра для сравнения. Так, в следующих примерах при глаголе *кричать* это, по-видимому, «громкость», при *бежать* — «скорость», а при *сидеть*, использованном в переносном значении «заниматься чем-то трудоемким (сидя)», — «объем работы»:

(20) А папа кричит *кричее*, чем мама!

(21) Влезть без очереди и бежать, чтобы не побили. ... бегите *бежее*.

(22) — Я всё равно до последнего сижую в ответах))) не вырубаюсь)) А вам слабо? — А я *сидее* тебя сижую, потому что у мене куча страниц.

Интересны примеры, в которых с глаголом связана оценка того, что происходит в результате с действующим лицом, и именно это становится параметром сравнения: когда *не хватает* существенного — человек страдает, когда надо терпеть лишения (примерно так можно трактовать здесь фразеологизм *сидеть у разбитого корыта*) — тоже страдает, когда вещью удобно *пользоваться* — пользующийся получает удовольствие.

(23) Денег всегда не хватает, кому-то на хлеб, кому-то на виллу на Канарах)). Но согласитесь, когда на хлеб не хватает, это значительно хуже и не *хватее*.

(24) У разбитого корыта все сидим, хотя кто-то *сидее*, ясное дело.

(25) Только это... Вот такой органайзер *пользовее* будет. Можно закрыть и потом ронять. И ничего не просыпется, и не перемешается.

И, наконец, есть пример, в котором параметром сравнения оказывается вероятность реализации будущего действия. Впрочем, он более экзотичен по смыслу, чем другие:

(26) Куплю монитор плоский чем диаганальной тем *куплее*.

В некоторых контекстах семантика исследуемых форм мало связана с глагольной семантикой.

(27) Так и любовь в нас не стала *люблее*, а злость злее, нас ... Ведь они так же как мы, любят, так же нуждаются в чём-то, но есть принципиальное...

Хотя форма *люблее* явно образована от глагольной основы настоящего времени, ее значение соотносится скорее со значением компаратива, образованного от существительного: «любовь в большей степени».

(28) Так много звёзд на небе светит, Но нам ни надо тех звезд, Нам наша краше и *люблее*, Всех тех далеких звездулей!

Новизна проведенного нами исследования заключается в том, что ни в отечественной, ни в зарубежной науке подобный материал никогда не обсуждался. Конечно же, описываемые формы, количество которых в живом языке продолжает расти, заслуживают более глубокого изучения. Как и другие нестандартные компаративы и суперлативы, они ожидают системного детального описания морфологических, семантических и синтаксических особенностей, а также анализа их статуса в языковой системе. Авторы надеются, что дальнейшее исследование будет проведено и по прошествии некоторого времени станет возможным описать динамику процесса образования отглагольных компаративов в русском языке.

Заключение

Итак, в современной «полуустной разговорной письменной» речи Интернета появляется все больше нестандартных компаративов, образованных от относительных прилагательных, существительных, местоимений. Конечно, подобные окказионализмы существовали и раньше, в том числе в текстах «профессиональных» носителей литературного языка, ср. пример пятидесятилетней давности из «Крутого маршрута» Е. Гинзбург (1967):

(29) Мне теперь поручались доклады в Институте усовершенствования учителей, а на моих уроках побывали САМ завгороно Трубоченко и — еще *самее!* — завоблоно Железков [37. С. 770].

Но именно в речи нашего века таких форм становится все больше. В данном исследовании впервые описаны отглагольные компаративы, образованные от 21 глагола. В большинстве своем они оказываются адвербиальными, т.е. выполняют роль обстоятельств и используются для выражения интенсификации и приближения к идеальному действия, названного образующим глаголом. Характерные примеры:

(30) ну все, кофе и так очень люблю, а теперь еще *люблее* любить буду!!!

(31) Почему хотят одного, а получают совершенно другое? плохо хотят, ещё *хотее* надо хотеть!

Формы от глаголов *любить* и *хотеть* встречаются многократно в текстах разных носителей языка, и можно предположить, что в течение одного-двух десятилетий *люблее* и *хотее* войдут в разговорный регистр устной и письменной речи культурных носителей языка, склонных к речевым инновациям и языковой игре. Привлекательность этих форм в том, что они весьма успешно отвечают потребности носителей языка в постоянном изобретении все новых и новых, пусть не-

нормативных, средств выразительности для передачи экспрессивных, гиперболических значений.

Легкость, с которой современный разговорный язык образует формы с суффиксом *-ee/-ей/-e* от любых частей речи (относительных прилагательных, существительных, местоимений, глаголов), вызывает желание отказаться от идеи считать их формами от прилагательного или наречия. Нам представляется, что приведенный материал служит веским доводом в пользу трактовки А.А. Зализняка, описывающего русский синтетический компаратив как особый грамматический разряд, отдельный от прилагательного и наречия и объединяющий самостоятельные лексемы [38. С. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Борзенко Е.О.* Семантические и прагматические различия между однокоренными отсубстантивными и отадективными компаративами в современной русской речи // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология.* 2015. № 3 (43). С. 32—47. DOI: 10.15382/sturiii201543.32-47
- [2] *Борзенко Е.О.* Они и еще онее: семантика сравнительных форм, образованных от местоимений, в русском языке XXI века // *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология.* № 3 (48). 2016. С. 45—60. DOI: 10.15382/sturiii201648.45-60
- [3] *Князев Ю.П.* Степени сравнения. СПб., 2009. 74 с.
- [4] *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 400 с.
- [5] *Пауль Г.* Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 501 с.
- [6] *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 780 с.
- [7] *Рахилина Е.В.* Грамматика ошибок: в поисках констант // *Язык. Константы. Переменные.* СПб., 2014. С. 87—95.
- [8] *Рахилина Е.В.* Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова.* 2015. № 6. С. 310—333.
- [9] *Евтюхин В.Б.* Наречие. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999. 48 с.
- [10] *Шелякин М.А.* Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
- [11] *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
- [12] *Беловольская Л.А.* Категория недискретного количества и ее грамматический статус. Таганрог: Изд-во ТРПУ, 1999. 177 с.
- [13] *Федотова Н.С.* Комплексный анализ русского компаратива: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 129 с.
- [14] *Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики: морфологические ресурсы языка: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 323 с.
- [15] *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 552 с.
- [16] *Норман Б.Ю.* Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.
- [17] *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвист. анализ и проблемы обучения. М.: Флинта: Наука, 2004. 240 с.
- [18] *Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Ленинград: ЛГУ, 1989. 264 с.
- [19] *Волкотруб Г.К.* Речевые средства и приемы экспрессии в публицистике (по материалам фельетонов М. Кольцова): дисс. ... канд. филол. наук. Липецк, 1999. 153 с.
- [20] *Калинова Я.Н.* Русско-прибалтийско-финские языковые контакты и их отражение в области диалектного синтаксиса: дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1999. 189 с.
- [21] *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
- [22] *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.

- [23] Фрей А. Грамматика ошибок. М: Комкнига. 2006. 304 с.
- [24] Ахапкина Я.Э. Рефлексивные глаголы «убираться» и «играться»: кодификация и узус // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 392–412.
- [25] Добрушина Е.Р. Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией или Двести лет вместе с ихней // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 181–204.
- [26] Добрушина Е.Р. Крестить или покрестить: в поисках причин победы узуса над нормой // Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. М., 2014. С. 96–119. С. 78–82.
- [27] Зевахина Н.А., Оскольская С.А. Какая-никакая, а Всемирная паутина: конструкции с «редуплицированными» уступительными местоимениями в русском языке // Современный русский язык в Интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 202–221.
- [28] Ахапкина Я.Э. О грамматике устно-письменного высказывания // Современный русский язык в Интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- [29] Дубчак И.Е. Дискурс досуговых субкультур в интернет-пространстве // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (дата обращения: 09.09.2013).
- [30] Чернова Ю.В. Концепции письменности и устности в чате // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (дата обращения: 09.09.2013).
- [31] Шмаков А.А. Лингвистические особенности современного общения в интернете (на материале обращений к собеседнику) // Семинар «Русский язык в интернете» в рамках VI Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (дата обращения: 09.09.2013).
- [32] Какорина Е.В. Язык Интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 393–478.
- [33] Каллистратидис Е.В. Языковая игра в неформальной интернет-коммуникации: на материале русского языка начала XXI века: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 296 с.
- [34] Летучий А.Б. Особенности аргументной структуры русских глаголов в «компьютерных» контекстах // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 153–168.
- [35] Магомедова В.Д., Слюсарь Н.А. Расшатывание исторических чередований согласных на примере ненормативных форм компаратива // Современный русский язык в интернете. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 263–280.
- [36] Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.
- [37] Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. М.: АСТ, 2015. 880 с.
- [38] Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

© Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 августа 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глаголов в современном русском узусе (люблю люблее) //

Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 1. С. 26—39.

Сведения об авторах:

Добрушина Екатерина Роландовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка филологического факультета ПСТГУ. *Сфера научных интересов:* корпусная лингвистика, грамматика русского языка, морфемная, грамматическая и лексическая семантика, проблемы языковой нормы, лексикография. Автор более 50 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: edobrush@gmail.com

Борзенко Екатерина Олеговна, аспирант кафедры современного русского языка филологического факультета ПСТГУ. *Сфера научных интересов:* корпусная лингвистика, грамматика русского языка. Автор 10 научных публикаций. *Контактная информация:* e-mail: ekborzenko@yandex.ru

**INTENSIFIERS OF THE SEMANTICS OF THE PREDICATES:
OCCASIONAL FORMATIONS OF FORMS OF THE COMPARATIVE
DEGREE DERIVED FROM VERBS IN THE MODERN RUSSIAN USAGE
(ЛЮБЛЮ ЛЮБЛЕЕ)**

E.R. Dobrushina, E.O. Borzenko

St. Tikhon's Orthodox University
Novokuzneckaja str., 23/5a, Moscow, Russia, 115184

This article is devoted to non-standard comparative forms which appear regularly in informal Russian texts recently. The aim is to collect and describe semantics and syntax of comparatives derived from verbs. The descriptions of these forms are actual since they are typical for spontaneous written speech of modern online texts. The research material includes Internet texts of 2000—2017, primarily blogs, Internet letters, comments, and forums. In order to create the database the author used a method of generating potentially possible forms on the basis of Russian vocabulary frequency lists, and then methods of corpus study were applied. Syntactic and semantic features of the studied forms are allocated and their classification and statistic description are given. It turned out that comparative forms derived from verbs may have different syntactic functions: first and foremost, they are used as an adverbial modifier by the forming verb, more seldom as a part of a nominal predicate, predicate in impersonal sentence, or inconsistent attribute. There were selected characteristic constructions for the studied neologisms. It is shown that the semantics of these forms can be correlated with the semantics of the intensity of emotions described by the verb, proximity to ideal implementation of the action, manifestation of characteristic signs of action, the degree of estimation associated with the action and the high probability of implementation of actions. The number of such forms in Internet texts, and then, perhaps, in speech might increase, because they are expressive, memorable, and consistent with the principle of economy in speech. The occasional comparatives derived from verbs have been the subject of research for the first time, which determines the scientific novelty and actuality of the article.

Key words: non-standart degrees of comparison, comparative, verb, occasionalism, online texts, problems of norm, common usage of the language, semantics

REFERENCES

- [1] Borzenko E.O. Semanticheskie i pragmaticheskie razlichija mezhdru odnokorennymi otsubstivnymi i otad'ektivnymi komparativami v sovremennoj russkoj rechi [Semantic and pragmatic differences between denominal and deadjectival comparatives in the contemporary Russian speech]. *Vestnik PSTGU. Serija III: Filologija. [Bulletin of St Tikhon University. Series III. Philology]*. 2015. no. 3 (43), pp. 32–47. DOI: 10.15382/sturiii201543.32-47. (In Russ).
- [2] Borzenko E.O. Oni i eshe onee: semantika sravnitel'nyh form, obrazovannyh ot mestoimenij, v russkom jazyke XXI veka [Они и еще онее: semantics of pronoun-derived comparatives in the Russian language of the 21st century]. *Vestnik PSTGU. Serija III: Filologija [Bulletin of St Tikhon University. Series III. Philology]*. 2016. no. 3 (48), pp. 45–60. DOI: 10.15382/sturiii201648.45-60. (In Russ).
- [3] Knjazev Ju.P. Stepeni sravnenija [The degrees of comparison]. Saint-Petersberg, 2009. 74 p. (In Russ).
- [4] Espersen O. Filosofija grammatiki [The philosophy of grammar]. Moscow, Izd-vo inostr. lit, 1958. 400 p. (In Russ).
- [5] Paul' G. Principy istorii jazyka [Principles of the language history]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1960. 501 p. (In Russ).
- [6] Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i opisanie jazykov [Semantic universals and description of the languages]. Moscow, Jaz. rus. kul'tury, 1999. 780 p. (In Russ).
- [7] Rahilina E.V. Grammatika oshibok: v poiskah konstant [Grammar of the errors: in search of constants]. *Jazyk. Konstany. Peremennye*. Saint-Petersberg, 2014, pp. 87–95. (In Russ).
- [8] Rahilina E.V. Stepeni sravnenija v svete russkoj grammatiki oshibok [Degrees of comparison in the light of Russian grammar errors]. *Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]*. 2015. no. 6, pp. 310–333. (In Russ).
- [9] Evtjuhin V.B. Narechie [Adverb]. Saint-Petersberg, Izd-vo SPb un-ta, 1999. 48 p. (In Russ).
- [10] Sheljakin M.A. Funkcional'naja grammatika russkogo jazyka [Functional grammar of Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 2001. 288 p. (In Russ).
- [11] Miloslavskij I.G. Morfologicheskie kategorii sovremennogo russkogo jazyka [The morphological categories of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshhenie, 1981. 254 p. (In Russ).
- [12] Belovol'skaja L.A. Kategorija nediskretnogo kolichestva i ee grammaticheskij status [Category of discrete quantity and its grammatical status]. Taganrog, Izd-vo TRPU, 1999. 177 p. (In Russ).
- [13] Fedotova N.S. Kompleksnyj analiz russkogo komparativa. Dissertacija ... kand. filol. nauk [Comprehensive analysis of the Russian comparative. Dissertation ... kand. filol. sci]. St. Petersburg, 2003. 129 p. (In Russ).
- [14] Remchukova E.N. Kreativnyj potencial russkoj grammatiki: morfologicheskie resursy jazyka. Dissertacija ... dokt. filol. nauk [Creative potential of the Russian grammar: the morphological resources of the language. Dissertation ... doct. filol. nauk]. Moscow, 2005. 323 p. (In Russ).
- [15] Sannikov V.Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry [The Russian language in the mirror of the language game]. Moscow, Jaz. rus. kul'tury, 1999. 552 p. (In Russ).
- [16] Norman B.Ju. Igra na granjah jazyka [Game on the facets of the language]. Moscow, Flinta, Nauka, 2006. 344 p. (In Russ).
- [17] Zemskaja E.A. Russkaja razgovornaja rech': lingvist. analiz i problemy obuchenija [Russian informal speech: a linguist. analysis and learning problems]. Moscow, Flinta: Nauka, 2004. 240 p. (In Russ).
- [18] Zubova L.V. Pojezija Mariny Cvetaevoj. Lingvisticheskij aspekt [The poetry of Marina Tsветаeva. The linguistic aspect]. Leningrad, LGU, 1989. 264 p. (In Russ).
- [19] Volkotrub G.K. Rechevye sredstva i priemy jekspressii v publicistike (po materialam fel'etonov M. Kol'cova). Dissertacija ... kand. filol. nauk [Speech means and methods of expression in journalism (based on satires by M. Koltsov). Dissertation ... kand. filol. nauk]. Lipetsk, 1999. 153 p. (In Russ).

- [20] Kalinova Ja.N. Russko-pribaltijsko-finskie jazykovye kontakty i ih otrazhenie v oblasti dialektnogo sintaksisa. Dissertacija ... kand. filol. nauk [The Russian-Baltic-Finnish language contacts and their reflection in the field of dialect syntax. Dissertation ... kand. filol. nauk]. Saint-Petersberg, 1999. 189 p. (In Russ).
- [21] Cejtin S.N. Oчерки po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi [Essays on the formation and word-formation in children's speech]. Moscow, Znak, 2009. 592 p. (In Russ).
- [22] Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Labirint, 2001. 304 p. (In Russ).
- [23] Frej A. Grammatika oshibok [Grammar of the errors]. M: Komkniga. 2006. 304 p. (In Russ).
- [24] Ahar'kina Ja.Je. Refleksivnye glagoly «ubirat'sja» i «igrat'sja»: kodifikacija i uzus [Reflexive verbs “убираться» and «играться»: the codification and language usage]. Trudy instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2015. № 6, pp. 392—412. (In Russ).
- [25] Dobrushina E.R. Mezhdju normoj-intuiciej i normoj-kodifikaciej ili Dvesti let vmeste s ihnij [Between the norm-intuition and norm-codification or Two hundred years along with ихний]. Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii [Russian language in a scientific light], 2013. no 2 (26), pp. 181—204. (In Russ).
- [26] Dobrushina E.R. Krestit' ili pokrestit': v poiskah prichin pobedy uzusa nad normoj [Крестить или покрестить: in search of the reasons for the victory of usage over the norm]. Korpusnye issledovanija po morfejnoj, grammaticheskoj, leksicheskoj semantike russkogo jazyka. Moscow, 2014, pp. 78—82. (In Russ).
- [27] Zevahina N.A., Oskol'skaja S.A. Kakaja-nikakaja, a Vsemirnaja pautina: konstrukcii s «reduplicirovannymi» ustupitel'nymi mestoimenijami v russkom jazyke [Какая-никакая, but the world wide web: constructions with concessive pronouns with reduplication in Russian]. Sovremennij russkij jazyk v Internetе. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 2014, pp. 202—221. (In Russ).
- [28] Ahar'kina Ja.Je. O grammatike ustno-pis'mennogo vyskazyvanija [Grammar of the spoken-written language]. Sovremennij russkij jazyk v internete. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, pp. 181—195. (In Russ).
- [29] Dubchak I.E. Diskurs dosugovyh subkul'tur v internet-prostranstve. Seminar «Russkij jazyk v internete» v ramkah VI Mezhdunarodnogo kongressa «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (data obrashhenija: 09.09.2013). (In Russ).
- [30] Chernova Ju. V. Konceptii pis'mennosti i ustnosti v chate. Seminar «Russkij jazyk v internete» v ramkah VI Mezhdunarodnogo kongressa «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (data obrashhenija: 09.09.2013). (In Russ).
- [31] Shmakov A.A. Lingvisticheskie osobennosti sovremennogo obshhenija v internete (na materiale obrashhenij k sobesedniku). Seminar «Russkij jazyk v internete» v ramkah VI Mezhdunarodnogo kongressa «Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'». 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem24.pdf (data obrashhenija: 09.09.2013). (In Russ).
- [32] Kakorina E.V. Jazyk Internet-kommunikacii [Language of the Internet communication]. Jazyk massovoj i mezhluchnostnoj kommunikacii. Moscow, Izd-vo MGU, 2007, pp. 393—478. (In Russ).
- [33] Kallistratidis E.V. Jazykovaja igra v neformal'noj internet-kommunikacii: na materiale russkogo jazyka nachala XXI veka. Dissertacija ... kand. filol. nauk [Language game in informal Internet communication: in the Russian language of the beginning of the XXI century. Dissertation ... kand. filol. nauk]. Rostov-on-Don, 2013. 296 p. (In Russ).
- [34] Letuchij A.B. Osobennosti argumentnoj struktury russkih glagolov v «komp'juternyh» kontekstah [The features of the argument structure of Russian verbs in the “computer” contexts]. Sovremennij russkij jazyk v internete. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, pp. 153—168. (In Russ).

- [35] Magomedova V.D., Sljusar' N.A. Rasshatyvanie istoricheskikh cheredovaniy soglasnyh na primere nenormativnyh form komparativa [Slacking of the historical alternations of consonants in the example of the non-normative forms of comparative]. *Sovremennyj russkij jazyk v internete*. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, pp. 263–280. (In Russ).
- [36] Ljashevskaja O.N., Sharov S.A. Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka) [Frequency dictionary of the modern Russian language (on materials of the National corpus of the Russian language)]. Moscow, Azbukovnik, 2009. 1112 p.
- [37] Ginzburg E.S. Krutoj marshrut [Steep route]. Moscow, AST, 2015. 880 p. (In Russ).
- [38] Zaliznjak A.A. Grammaticeskij slovar' russkogo jazyka [Grammatical dictionary of Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 1977. 880 p. (In Russ).

Article history:

Received: 26 august 2016

Accepted: 26 november 2016

For citation:

Dobrushina E.R., Borzenko E.O. (2017) Intensifiers of the semantics the predicates: occasional formations of forms of the comparative degree derived from verbs in the modern Russian usage (люблю люблее). *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (1), 26–39.

Bio Note:

Dobrushina Ekaterina Rolandovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the modern Russian language of the philological faculty of St. Tikhon's Orthodox University. *Research interests*: corpus linguistics, grammar of the Russian language, morphemic, grammatical, and lexical semantics, the problem of linguistic norm, lexicography. Author of over 50 scientific publications. *Contact information*: e-mail: edobrush@gmail.com

Borzenko Ekaterina Olegovna, postgraduate student at the Department of the modern Russian language of the philological faculty of St. Tikhon's Orthodox University. *Research interests*: corpus linguistics, grammar of the Russian language. The author of 10 scientific publications. *Contact information*: e-mail: ekborzenko@yandex.ru